

● На вашу книжную полку

„Магнитное поле“

(Продолжение.)

Начало в № 92).

О ритмике стихов. Как правило Зубарев употребляет традиционные размеры. Не назовешь новаторскими и его рифмы. «Тропинки» у него могут срифмоваться с «ложбинками», «впереди» — с «позади». Порой в стихах автор сбивается на простую пересказ событий, не переплавляя их в лирическом горниле поэзии. Но, читая книгу, чувствуешь — от стиха к стиху в нашем представлении складывается образ ее главного героя.

Он очень интересен, этот герой. Лично мне импонирует в нем то, что он не замкнут в своем ограниченном мирке, а открыт настежь бешенству всех ветров современности.

Остро ощущая, как прекрасен и неповторим каждый миг нашей жизни, он не говорит мгновенно: «Остановись!». Ведь без движения жизнь немислима. Но это не хаотичное, слепое движение. Оно имеет цель — переустройство мира. Поэтому высшей его формой является труд. А источник вдохновения — «в каких-то трех шагах»:

Принес вторую бочку
смиранный наш Пегас.
Как перекур, так строчку
Я выдавал про нас.

Ему на всю жизнь запомнилось ощущение плеча во время строевой службы, которая, как «работа сталевара, горяча, горяча». Он и его товарищи «загорелы и высоки, пронесли пропыленные скатки, словно лавровые венки».

При всей своей напористости, лирический герой очень добр. Мне нравится стихотворение Зубарева «На земле еще — ни проталины».

На земле еще —
ни проталины,
а на улице — потеплей.
В детском доме давно
поставлены
в воду веточки тополей...

Чем-то похожи на эти веточки и сами обитатели детского дома — худенькие, угловатые, настороженные. Жизнь сурово обошлась с ними, заставив испытать горечь сиротства. Но это пронизанное светлой грустью стихотворение очень оптимистично.

Лирический герой Зубарева как правило сибиряк, более того, — кузбассовец, еще точнее — житель кузбасского городка Киселевска, возле которого протекает речушка Чумыш. Об этом прямо говорилось в раннем стихотворении поэта (к сожалению, не вошедшем во второй сборник):

Ведь знаю, что Сибирь
опромна.
А разлучусь — всего-то
лишь
речонка вспомнится
Чумыш
среди сумрачной таежной
дремы.
Острое чувство родины

поле“

обернулось во многих стихах «Магнитного поля» другой своей стороной — интернационализмом. Подтвердилась старая истина: настоящим интернационалистом может быть только тот, кто хорошо чувствует свою Родину. Как органично вошли в стихи поэта образы якутского народного эпоса — Олонхо:

Сжали чороны в руках
протрезвевшие гости,
долго к губам пенный
напиток несут.
Ошеломляя, горны
призывные, гонги
грянули в горле твоём,
олонхосут.

Это стихотворение — дань экзотике. Его герой Нюргун Боотур — воплощение лучших сил народа, перед ним склоняется «все, что суетно, мелко и бренно». Пусть тревога, заставившая гостей встрепетаться, была учебной. Она напомнила Нюргуну Боотуру, что «успокаиваться рано — в любой момент в лагере тиранов может забряцать булат и броня». Есть в этом стихотворении что-то и глубоко свое, личное. Эта учебная тревога была и в сердце поэта.

Лирический герой, только что задумав разговоривавший с якутом-охотником, на следующей странице книги уже рассказывает нам о своем друге — армянине.

«Привольно ль нашей Волге
течь в тесни — сумрачной
гортани, которая привыкла
к речи, напоминающей
клетанье орла? — спрашивает
автор. И сам же отвечает,
что да, конечно же —

Сибирь, конечно,
не Кавказ,
но наши чувства так
похожи: —
есть дом у каждого из
нас,
есть та, которой нет
дороже...

Но лучшим из «интернациональных» стихов мне кажется все-таки стихотворение «Во Вроцлове я только год». Во Вроцлове я только год. Но разве я чужой?

Нисколько.
Навстречу мне солдат идет,
знакомый мой из Войска
Польска.
И, кстати, не один идет:
Кристину, милую подружку,
обняв за талию, ведет.
На ней вельветовые
брюки...

Нам где-то всем
по двадцать лет.
«Привет!» — кричат.

Кричу: «Привет!»
Бежим. Соединяем руки.
Польша для поэта — не
просто соседняя нам дружественная страна. Польша — часть его юности, часть его сердца. Поэтому так велико впечатление от этого немногочисленного, пронизанного светлым лиризмом стихотворения. **В. ШИРЯЕВ.**
(Продолжение следует).